

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

СЛАБАКАМ — НЕ ПО ПЛЕЧУ!

К дискуссии о гражданской поэзии

Слава Богу, успехи в салонах и в кружках я не ставил выше того, что считал истинным благом своего отечества.

Пётр Чаадаев

Честный философ Чаадаев — знаток Европы и западной мысли, бравший в 1814 году Париж, часто задумывался о загадке русской мысли и духовности: “Сколько великих и прекрасных мыслей, откуда-то явившихся, охватили бесчисленные массы и поколения...” И он, и даже мы, сегодняшние, прекрасно понимаем, что в это “откуда-то” входит, прежде всего, поэзия! Но тот же Чаадаев повторял глубокую мысль: “Слово звучит лишь в отзывчивой среде”. Это в полной мере относится к поэзии гражданской, ибо она призвана задевать самые возвышенные и бескорыстные струны в душе читающего и слышащего. Но какова среда нынешнего общества чистогана и потребления, что слышит человек не с высоких трибун, а в эфире и в обыденной жизни?

Принять участие в нескончаемой, но ускользающей дискуссии о гражданской поэзии, затеянной председателем Совета по поэзии при Союзе писателей России Виктором Кирюшиным, меня подвигли две вещи: неубиваемое желание вести откровенный разговор о подлинной поэзии с моими студентами группы литературного творчества в Московском государственном институте культуры, которые читают недопустимо мало, а ещё — сам ход завязавшегося диспута, где звучат правильные мысли, но приведено очень мало стихов. Как показать тем же молодым, что же есть пьянящее вино гражданской поэзии, а что — лишь жалкий суррогат и пародия на неё?

Помню, как в ЦДЛ отмечали мы юбилей телепрограммы “Русский дом”, и в комнате президиума, за рюмкой, о. Тихон (Шавкунов) вдруг признался Станиславу Куняеву, что со студенческих лет любит жёсткое стихотворение:

*Реставрировать церкви не надо —
пусть стоят как свидетели дней,
как вместилища тары и смрада
в наготе и в разрухе своей.
Пусть ветшают...*

Батюшка уже реставрировал Сретенский монастырь, стал архимандритом, но понимал силу поэзии, ценил напряжённую мысль, пусть на практике её

парадоксальность не разделял. Но он тоже, со своей колокольни, пытался разгадать:

*...что за песню в пустых колокольнях
русский ветер угрюмо поёт!*

Ну, церкви восстановили, количество храмов чуть ли не ежедневно растёт. Если в 1988-ом у нас было 6 000 приходов на всю Русскую Православную Церковь, то сейчас их 36 000. Но поразительно: за годы строительства безбожного капитализма количество клубов и ДК сократилось в 2(!) раза с контрреволюционного 1991 года – с 73 до 36 тысяч (их стало точно столько же, сколько приходов, но атеистов и людей других конфессий – больше, чем православных!). Стал ли от такого перекоса менее угрюмым ветер, который поёт в руинах заводов и на обезлюдивших сельских просторах? Кто сегодня слышит этот ветер? Сам негибаемый и нестареющий Станислав Куняев, увы, решительно перешёл на публицистику...

Непосредственным толчком для участия в дискуссии послужила точная реплика прозаика Николая Дорошенко: “Гражданская поэзия сегодня – самая востребованная читателем. Например, опубликованное нами в “Живом слове” стихотворение Андрея Лукина из села Шушенское Красноярского края “Я ватник, я потомственный совок” мы выставили в Яндекс-Дзен, где у “Российского писателя” есть своя страница (<https://clck.ru/CG4VQ>). За короткий период стихотворение набрало 4500 лайков и 41 000 просмотров. Это во много раз больше, чем у самых острых статей на актуальнейшие темы”.

*Я ватник. Пусть меня не признают
Все те, кто рушит наши монументы.
Я праздник!
Я торжественный салют!
Я почести, что павшим отдают.
Я трепет на ветру гвардейской ленты.
Я в День Победы плакать не стыжусь.
Я не забыл!
Я помню!
Я горжусь!*

Песню на эти призывные стихи написал Василий Родин, и она тоже пошла в народ!

Но чаще-то звучат другие песни – не только разрушительные и очерняющие, но порой такие бездарные и “патриотические”, что уж лучше матерные частушки слушать или наивные куплеты. Помню, Николай Старшинов восхитался невольной иронией одного графомана из редакционного самотёка:

*Наша Родина — прекрасна,
Вся цветёт, как маков цвет.
Окромя явлений счастья,
Никаких явлений нет!*

Но нынешние-то – ещё хуже, только с оркестровкой, с дорогой телесъёмкой.

КУВЫЧКИНЫ СТРАДАНИЯ

Николай Гоголь высказывал горячую надежду, что песня “вызовет нам нашу Россию – нашу русскую Россию, не ту, которую показывают нам грубо какие-нибудь квасные патриоты, и не ту, которую вызывают к нам из-за моря очужеземившиеся русские, но ту, которую извлечёт она из нас же...” Но есть ведь совсем другие песни – якобы гражданские, но не квасные даже, а бормотушные!

Из героического Волгограда попали в интернет, а потом и в СМИ патриотические припевки, которые можно назвать кувычкиными страданиями. Набирает обороты скандал вокруг дебюта на поприще эстрадной песни депутата

Государственной думы от многострадальной земли, члена фракции “Единая Россия” 38-летней Анны Кувычко. Вместе с учениками кадетских классов волгоградской школы № 44 она записала музыкальный ролик “Дядя Вова, мы с тобой!” Боевой депутат Кувычко – всегда при партии власти, хотя конкретных руководителей меняла: начинала свою политическую деятельность она в команде единоросса Евгения Ищенко, мэра Волгограда. Но потом, когда из-за раскола среди волгоградских единороссов Ищенко упрятали в тюрьму, оказалась на стороне “победителей”. И сложила песню верности:

*Не достанется гряда
самураям никогда!
Грудью встанем
за столицу янтаря!
Севастополь наш и Крым
для потомков сохраним!
В гавань Родины
Аляску возвратим!*

Последние строчки напрягли многих (тут бы МИДу и правоохранительным органам вмешаться – это ж политическая провокация и разжигание политического экстремизма!). В США могут, кстати, подать в суд. Не все ж так добродушно откликнутся, как один юзер в сети: “Аляску мы вам не отдадим, а вот Калифорнию забирайте – только не просите взять её обратно”. Ведь дурость же прямая – сегодня, когда главное обвинение России – “аннексия Крыма”, нести детскими устами такую чушь! Ну, и дурацких клятв не надо детишкам в кадетской форме навязывать, нависая над ними могучей грудью:

ПРИПЕВ:
*На земле сей был бы мир,
но если главный командир
позовёт в последний бой,
дядя Вова, мы с тобой!*

Видно, не даёт покоя замечательная гражданская песня Михаила Ножкина “Последний бой, он трудный самый” – вот где слова и мужественные, и задумчивые! Недаром певец природы и человечности Михаил Пришвин убеждённо писал: “Наука кормит людей, поэзия – сватает”. А вот подобное политиканство, да ещё в детских устах – разделяет, разводит во всех смыслах этого слова. Кстати, один комментатор задал хороший вопрос: почему Ленин в 53 – душа, а Путин в 63 – дядя Вова?

Помню, прозаик Сергей Михеенков написал в своей страничке Фейсбука: “Вот стихотворение, создав которое, можно и умереть. Ибо для литературы достаточно. Автор его поэт Михаил Анищенко (Шелехметский) (1950–2012):

*День Победы. Смертная тоска.
Как вагон, Россию отцепили...
Подменили даты и войска,
И героев павших подменили.
Мир спасён. Америке — виват!
Для России — водка и корыто.
Что ты плачешь, маленький солдат,
За проклятым Одером зарытый?”*

На этот плач, расслышанный поэтом, Россия откликнулась Бессмертным полком. Его тоже стремятся и оболгать, и забюрократизировать, и приспособить для погибших “детей Арбата”, но героев павших подменить – не удалось, слышишь, Михаил? А вообще-то краеугольным камнем для укрепления гражданственности поэзии остаются слова Виссариона Белинского, которого я, открыв в дерзкой молодости Аполлона Григорьева и других столпов русской мысли, помню, тоже сбрасывал с корабля современности: “Сила гениального таланта основана на живом, неразрывном единстве человека с поэтом. Тут замечательность таланта происходит от замечательности человека как личности,

как природы... Самобытность поэтических произведений есть отражение самобытности создавшей их личности". *Неистовый Виссарион* пишет о силе гениального таланта, но хоть частицей этой силы обладает, уверен, всякий самобытный талант. Это завещано нам классиками, и порой настоящие стихи обретают высоту, опираясь даже на отзвук и ответ великого. Для меня равноценны и равно гражданственны и стихи эмигранта Георгия Иванова:

*Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
— Как далеко до завтрашнего дня!..
И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.*

И строки нашего современника Анатолия Аврутина, живущего в братской Белоруссии:

*Ни ветерка... Молчит кукушка...
Простор безмолвствует, крича:
"Отчизна — это Русь и Пушкин...
Да белый ангел у плеча".
И чудится, что ангел белый
Перо над крышей обронил.
Пушкинки кружатся несмело...
Пу-шин-ки... Пушкин подарил...*

У нас, у тех, кто постарше, есть и свои подарки — классики-современники. О них с болью, справедливо, хотя и с понятным креном, Олеся Николаева написала в эссе "Холодная зима": "Кое о чём я вспоминаю с ностальгической тоской. Например, о том, что принято называть "литературным бытом": весь этот котёл писательских взаимоотношений, дружб, битв, дуэлей, амбициозных столкновений. Встречи, выступления, вечера поэзии, обсуждения, застолья, чтения стихов "по кругу", кухни, мастерские художников, подвалы истопников, "ты гений, брат!", "твои стихи — говно!", цедеэзьские посиделки, писательские поездки по всему пространству одной шестой суши... Молодому поэту можно было подойти к мэтру после его творческого вечера и за просто протянуть ему рукопись со стихами или напроситься в гости, чтобы там почитать своё и узнать мнение эксперта... И так подходили, и просили, и знакомились, и бывали в гостях, и получали напутствие, а то и "врезку" для публикации в солидном журнале, а то и рекомендацию в Союз писателей, а то и просто крепкую дружбу. Можно было обратиться к Давиду Самойлову, а можно — к Арсению Тарковскому; можно — к Юрию Левитанскому, а можно — к Александру Межирову; можно — к Александру Кушнеру, а можно — к Инне Лиснянской; можно — к Евтушенко, а можно — к Вознесенскому (можно и дальше "умножать сущности", но зачем?)".

Ну, затем хотя бы, что существовал другой круг поэтов, в который никак не входил ленинградец Кушнер, но к которому, например, всегда подходил я, был награждён их вниманием и дружбой: Виктор Боков, Станислав Куняев, Михаил Луконин, Николай Старшинов, Егор Исаев, Николай Тряпкин, Лев Ошанин. Песни последнего, если вернуться к словам Гоголя, ценили собратья из разных списков. Кстати, в Центральном доме работников искусств 14 декабря 2017 года прошёл после периода некоторого забвения вечер, посвящённый 105-летию Льва Ивановича, моего наставника по Литинституту.

Очень часто, конечно, я подходил и приходил в гости к моему учителю и человеку двух лагерей Владимиру Соколову. Невольно вспомнил о нём, прочитав стихотворение Лидии Григорьевой из Англии "Тоска по снегу". Оно начинается так:

*Как много красоты в заброшенной аллее:
и снежные цветы, и вьюжные лилеи,
молочные стога, вся в белых перьях липа —
глубокие снега, любимые — до всхлипа...*

Откликнулся: "Да... "Весь в перьях сад. Весь в белых перьях сад... Бери перо любое наугад..." Так писал Владимир Николаевич Соколов. Стихотворение с липой "в белых перьях" я сбросил в профессорскую папку — для очередного

разговора со студентами о Поэзии. Мастерское стихотворение, формально безупречное, с ассоциациями, аллитерациями и приёмами – до изысканной рифмы: Арзрума-погрома... А холодное, как Альбион, и чувство живое – не пробивается, не овекает. Может, потому, что, утопая в русских стихах, вижу, как мало тут Поэзии... Не знаю – загадка. Лида, наверное, обиделась, но ответила: “Саша, стихи Соколова всегда звучат во мне – вошли в состав крови. Его СНЕГА волшебны и неповторимы. Остальное – читательский взыскательный взгляд. Кого-то “пробивает”, кого-то нет. И виноват тут не поэт...”. Да, не виноват – повторим слова Чаадаева: “Слово звучит лишь в отзывчивой среде”.

Среда! Волшебное, утраченное понятие. Дико было читать на писательском сайте слова Бориса Агеева: “Удивительные дела творились в советскую эпоху! Представим: в трудовой книжке написано “поэт”. Ездил в командировки на Крайний Север, в горячие цеха на Горьковском автозаводе, познавал жизнь, отображал её в произведениях. Не знаю, встречали ли его на Олимпе цветами или били дубьём, но книжки издавали в порядке очередей. Ему же полагался отпуск, больничные, а кому и декретные. Отдыхал от трудов в Пицунде, или под боком у Волошина, Максимилиан который. Был же Богом помечен, но часто не выдерживал требований народных, потихоньку спивался. И вот на могильной плите надпись: NN такой-то, “поэт”...”. Просто бред какой-то! Ответил: “У кого было написано в трудовой книжке “поэт”? Что за антисоветская дурость? Ну, ездили, выступали. И сегодня, пусть и меньше, и порой на свои – ездим, встречаемся с людьми, познаём Россию. И стихи публикуем. Только раньше Юру Кузнецова, Колю Рубцова, Борю Примерова, Толю Передреева и других выдающихся русских поэтов брали на Дни литературы или выступать посылали за скромный гонорар, а сегодня раскрученный Дмитрий Быков ездит на все зарубежные салоны, выступает в ЦДЛ за огромные деньги, а у Веры Полозковой даже есть свой коммерческий директор! Она сама – горячий цех по производству бабок. И что, поэзия ярче стала, стихи знает и любит Россия?”

Зато теперь вырождение гражданской и даже бытовой поэзии, если так можно выразиться, демонстрируют нескончаемые верлибры журнала “Воздух”:

*Думаешь купить еды на двадцатку,
покупаешь на сороковник.*

*Супруг комментирует философски:
“Всё течёт, деньги — жидкость”.*

Думаешь, будет дождь, уже осень.

Теплынь на улице, солнце шпарит, в меду листья.

Марина Тёмкина

Это не просто наводит скуку и отвращает от строчек в столбик, но и вызывает вопрос: что сегодня можно купить на двадцатник и даже – на сороковник? Ну, выковыряла откуда-то нафталинные строки с фразеологизмом из Маяковского “солнце шпарит” – так хоть реальными детальками дополни!

Юрий Кублановский даёт менторское, “столичное” интервью:

– Патриотическая поэзия – какой она должна быть?

– Я не думаю, что поэзию надо классифицировать и делить на патриотическую, религиозную или любовную. Нет таких разделений. Поэзия должна быть органичной, и органично в неё входят самые разные элементы... Тот, кто в каждом стихотворении пишет про берёзки и про любовь к родине, как правило, пишет в целом глубоко провинциальную лирику, которая не переживёт наше время (?! – А. Б.). Настоящие шедевры тут создаются нечасто: например, отдельные (“отдельные”, а у Кублановского, выходит, все? – А. Б.) стихи Есенина, Рубцова. Они прекрасны, и прекрасны не столько потому, что они патриотичны, но потому, что они высоко талантливы.

— Где тут погост? Вы не видели?

Сам я найти не могу.

Тихо ответили жители:

— Это на том берегу.

Строфа Николая Рубцова – на века. Казалось бы, ну, что тут патриотичного? А ведь здесь вся наша родина”.

Кстати, Рубцов очень много писал и про берёзы, если Кублановский не читал... Но одну фразу лауреат Солженицынской премии произнёс знаменательную: “Мы все думали, что коммунистическая цензура вредит литературе, а нашёлся зверь пострашнее...” Не расшифровал, но и так ясно. Конечно, нужна, прежде всего, нравственная цензура, потому что можно обгадить не только берёзки, но и яблони. Любимец тусовки некто Радионов написал стихи про московские яблони:

*стоят они, красавицы писаные,
в мае они — как белые подопытные мыши...
Под яблонями севера города много писают,
зато никто про них ничего не напишет...*

Он просто написал, а кто-то “под яблони” — на его книги! — во время презентации с пьянкой и впрямь насс... написал.

Александр Чистяков, директор фестиваля “Мцыри”, председатель Русского литературного общества, который широко печатается, сетует в той же “Литературке”:

*Мы зачем-то совсем разучились писать между строк.
Вроде время пришло, чтобы снова припрятать мыслишки
И, как прежде, копить дневниковые записи впрок,
А для хлеба насущного делать попсовые книжки.*

Да ты пиши хоть между строк, хоть в лоб, но только с искренней болью — тогда попадание!

ПОПСА И БОЛЬ

Ещё одно доказательство того, что поэзия оказывает огромное магическое воздействие в периоды потрясений — бесхитрое, но подлое стихотворение юной Насти Димитрук, которое стало гимном Майдана и всей дальнейшей антироссийской истерии. Эти примитивные, малость истеричные строки стали попсовым попаданием и сделались самыми цитируемыми:

*Никогда мы не будем братьями
Ни по родине, ни по матери.
Духа нет у вас быть свободными —
Нам не стать с вами даже сводными.*

С ней стали дискутировать в российских СМИ и сетях, чуть ли не вразумлять её, а она просто напыщенно зарифмовала на примитивном уровне то, что витало в воздухе Майдана, было начертано на плакатах и произносилось хриплыми от простуды и горилки голосами. Как раз зачастую в реальности (а не для примитивной рифмы) матери у майдануток молодых, как и у их российских инфантильных ровесников, — русские, а родина — точно одна: ведь Украина — вообще пародия на Советский Союз с отделами пропаганды и в придуманном окружении неких врагов и мнимых “друзей”.

*Вы себя окрестили “старшими” —
Нам бы младшими, да не вашими.
Вас так много, а, жаль, безликие.
Вы огромные, мы — великие.*

Наверняка Анастасия не слышала ни разу про старших братьев из России, никто так допотопно себя лет сорок уже даже в шутку не называет — нелепый штамп неведомых ей времён. Потом девушка и вовсе в азарте сбивается на другой адресат:

*Никогда вы не будете братьями!
Нам нацисты — враги беспородные,
И не смейте себя, предатели,
Называть Украинцами кровными.*

Так это она, оказывается, жителей Новороссии, словно в бреде, клеймит? Как бы там ни было, украинцев пока ещё много с обеих сторон – и нацистов, и антифашистов, а уж безликих-то... Посмотрите на правительство Порошенко, на депутатов Рады, на чиновников, на участников телепрограмм Киселёва и украинских гостей Соловьёва. Господи, из какого сундука их достали? Правда, и оппоненты их – многие российские депутаты и политологи на бесконечных трэп-шоу – ничуть не лучше. Кунсткамера!

Ну, а молодая поэтесса Майдана, автор стихов “Никогда мы не будем братьями...”, разочаровалась в революции, стала выкладывать беспомощные вирши:

*Маски сорваны. Суки лживые,
“Грады”, мины, за боем бой.
Только мы уже не игривые —
Теперь хищники мы с тобой.*

А потом “хищница” и вовсе смылась из постреволюционной неньки в тихую и спокойную Прагу. Так поступают многие “онижедети”, разваливавшие Украину за печеньки. Публикуя своё русофобское стихотворение в интернете, молодой автор даже не подозревала, что за одну ночь её жизнь кардинально изменится, её даже в депутаты стали звать. И вот спустя три года после революции растоптанного достоинства Дмитрук в Праге представила свою книгу “Это моя и твоя война”. После Майдана в жизни Анастасии Дмитрук, которая была преимущественно русскоязычной, началась активная украинизация. Однако, по словам автора, “произведения редко дают выбирать, на каком языке их написать”. “Есть очень много людей, которые идентифицируют себя как украинцы и делают огромные дела во имя Украины, при этом говоря по-русски”, – уверяет авторка в ответ на мовные квоты, введённые парламентом. Явно Порошенко, подписавший закон о тотальной украинизации медиаполя и образования, наступил на горло песне Насти Дмитрук, оттого она и свалила из демократической и свободной Украины в Европу. Во время своих выступлений в различных учебных заведениях и частях Дмитрук всегда напоминала, что страну создали люди, которые в ней живут. “Своими мыслями, словами, поступками, мечтами, целями, которые ставим, – именно это и есть Украина, в которой мы хотим жить”, – взывала она. Правда, развивать в гражданской лирике эту тему Дмитрук не стала, предпочтя Прагу постмайданной столице Цеевропы.

А на Майдане ведь были и настоящие гражданственные строки, пронзительные, например, стихи Ольги Кашпор, украинской тележурналистки:

*Мальчиков укрывают флагом. С головой.
Не вой, дура, говорю. Твой — живой. Живой.
Он такой же, как они — тоже рвётся в бой.
Долго трубку не берёт. Но не вой. Не вой.*

*Мальчиков кладут рядком. Пряж на мостовой.
Лиц не видно. Не смотри. И не вой. Не вой.
Твой такой же — как они — на передовой.
Разбирает мостовую по кускам. Живой.*

*Мальчиков выносят строем. Траурный конвой.
Не считай. Зажмурься. Помни, Бог с тобой.
Он придёт. Под утро. Мятый и седой.
Ты отпустишь снова. Просто жди. Не вой.*

Жалко, что истинный, нервный талант отравлен губительной пропагандой... Но эта боль стучится в славянское сердце, и где-то далеко, на северных просторах, киевской Ольге отзывается Ольга Корзова из Архангельской области, которая недавно получила премию “Имперская культура” за книгу “На широких ветрах”.

*...И я, подобно веткам краснотала,
хранящим до поры речной покой,
далёким листьям в лад затрепетала
на берегу над северной рекой,
как будто и моя открылась рана,
и надо мной взметнулось вороньё,
и стрелы украинского майдана
летят сквозь сердце русское моё.*

Это пронзённое сердце нельзя путать с базарной провинциальной открыткой или изысканной валентинкой в придуманный день влюблённых 14 февраля накануне великого праздника Сретения. Это – родовая черта истинно русского таланта. Вологодский гражданственный лирик Виктор Коротаяев посвятил мне стихи:

*Ну, что же ты молчишь,
Мой самый чуткий друг?
Меня пугает тишь
И ранит
Каждый звук.
Всё это не теперь,
Конечно, началось...
Прикрой-ка лучше дверь,
И так слышать
Насквозь...
И вот теперь лежу,
Судьбой почти отпет.
О чём-нибудь тужу?
Да нет, мой милый,
Нет.
А плачу потому,
Что на исходе дней
Завидую тому,
Кто жил
Ещё больней.*

Он подтвердил в горьком послании незадолго до смерти истину, которую высказал Александр Блок: “Искусство, как и жизнь, слабым не по плечу!”
Гражданская поэзия – тем более слабакам не по плечу!